

И. Окладский

**Процесс предателя-provokatora Окладского -
Петровского в Верховном суде**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Окладский**
Процесс предателя-provokatora Окладского - Петровского в Верховном суде / И. Окладский – М.: Книга по Требованию,
2022. – 232 с.

ISBN 978-5-517-82896-5

Процесс предателя-provokatora Окладского - Петровского в Верховном суде

ISBN 978-5-517-82896-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Процесс Окладского-Петровского—один из самых выдающихся и необыкновенных в судебной практике.

Поразительна в этом процессе необычайная длительность преступления: начало совершения его относится к концу 1880 года, а конец—к февралю 1917 года; следовательно, длилось оно тридцать шесть лет с лишним.

Необычайна и личность подсудимого: Рабочий, выдающийся революционер, участник покушений на цареубийство, соратник Желябова, Иван Окладский был судим военным судом в октябре 1880 года по процессу шестнадцати. В последнем своем слове он сказал: „я не прошу и не нуждаюсь в смягчении моей участи; напротив, если суд смягчит свой приговор относительно меня, я приму это за оскорбление“. 30 октября 1880 года Иван Окладский был приговорен к лишению всех прав состояния и к смертной казни через повешение. 2 ноября царь заменил Окладскому смертную казнь ссылкой в каторжные работы без срока.

В момент произнесения помилования революционер Иван Окладский духовно был мертв. Умер Иван Окладский, но появился на свет некий „Иван“, постепенно превращавшийся. Иван стал Ивановым, потом Александровым, наконец, потомственным почетным гражданином Иваном Александровичем Петровским.

Этот потомственный почетный гражданин в начале ноября 1880 года стал предателем. Он купил физическую свою жизнь ценой предательства. Он рассказал правительству все, что он знал о революционном движении своего времени; назвал всех, кого мог; открыл не открытые революционные замыслы; указал квартиры, в которых были динамитная мастерская и революционная типография; опознавал всех, кого представляли ему; раз'езжал с жандармами по улицам Петербурга и открывал революционеров; сидя в крепости, переступивал с соседями и полученные сведения передавал властям.

Он оказал огромные услуги царскому правительству в борьбе с революционным движением; об огромности и ценности этих услуг можно судить по тому совершенно необычайному факту, что русское правительство цареубийцу, смертника, а потом вечного каторжника, выпустило на свободу всего-на-всего через два года с небольшим со дня вынесения смертного приговора.

Поправив свое здоровье на Кавказе и, по мере возможности, поработав для жандармского управления, „Александров“ был призван с 1889 года на стезю провокаторского служения в Петербург, где и стал личным агентом директора департамента полиции Дурново. Негласным сотрудником сего учреждения он оставался вплоть до революции: он успел получить свое жалованье (150 руб. в месяц) еще в феврале 1917 года.

Я выступал на процессе экспертом и внимательно следил за ходом судебного следствия и за всеми выступлениями Окладского.

И вот мои впечатления.

По основному вопросу: что заставило Окладского быть предателем?—Судебное следствие дало уничтожающий материал для версии

Окладского об истязаниях и пытках, которым, по его словам, подвергся он в крепости. Предусмотрительный и осторожный, этот поседель в провокации пенсионер департамента полиции упустил из виду одно: — он забыл ознакомиться с процессом снятия нижнего белья при ножных кандалах. Когда общественный обвинитель тов. Кон спросил его, каким образом он, вынесенный из ледяной ванны, снимал с себя кальсоны, Окладский растерялся: к этому ответу он не подготовился. И вся легенда о пытках рушилась.

На судебном следствии оказался и материал для суждения о психологических мотивах предательства. В конце-концов это все же страх смерти в сочетании с нестойким характером и отсутствием теоретической проработки революционного мировоззрения. Окладский был трус; своими гордыми заявлениями на суде он хотел замаскировать свою трусость, афишировать свое мужество, но не надолго. Когда после приговора он остался один в камере с призраком петли на шее, чувство трусости охватило его со всех сторон; боязнь смерти и жажда жизни вызвали в нем активность.

Жить, жить, жить, во что бы то ни стало! К чему ореол революционного деятеля! К чему сознание, что эта деятельность даст плоды в отдаленном будущем! Лучше быть предателем, но жить, пить, есть, дышать воздухом... Все лучше петли на шее.

Соблазнил его, конечно, жандармский генерал Комаров. Он пришел к нему ночью в камеру и, имея уже в кармане помилование, начал вести с ним разговор на тему о возможности улучшить свое положение путем „откровенных сообщений“. Окладский тут же начал откровенничать и сразу же дал несколько важных сведений жандармскому генералу.

А когда генерал объявил о помиловании, как бы в награду за откровенность, и тотчас же приказал перевести Окладского из Трубецкого бастиона в Екатерининскую куртину, Окладский так обрадовался, что побежал вон, забыв даже надеть носки. Вот она жажда жизни!

Раскаивался-ли когда-нибудь Окладский в предательстве? Конечно, никогда, потому что его выигрышем была жизнь и долговременное благополучное существование. Нажил дачку, имел сбережения, окружил себя семьей, имел круг знакомства в среде почтенных обывателей... Чего же лучше и чего же больше! А на революцию, на революционные идеалы юности он просто плюнул.

Когда я наблюдал Окладского на скамье подсудимых, я видел, что перед нами — человек положительный, уверенный в себе и не признающий за собой никакой вины. Вышла оплошность, за эту оплошность он готов понести кару после 37 лет спокойной жизни.

Он получил по приговору десятилетнее заключение.

Процесс Окладского много дал для психологии предательства.

Окладский замкнулся в круге известных по его автобиографии и по литературе фактов и не сообщил на процессе ни одного нового штриха. Все, что было выявлено на процессе, было сделано старыми народолюбцами—свидетелями и в то же время—экспертами.

П. Е. Щеголев.

ПРОЦЕСС

ПРЕДАТЕЛЯ-ПРОВОКАТОРА

Окладского-Петровского

В

ВЕРХОВНОМ СУДЕ.

Трудно найти процесс более яркий и глубокий по своей психологической сути, более общественно поучительный, чем процесс предателя-провокатора Ивана Окладского, проведенный в Москве с 10 по 14 января 1925 года Верховным Судом РСФСР.

С У Д.

Нараседатель т. Чуцаев
Член Президиума ЦИК СССР.

Председатель А. А. Сольц
Член Верховсуда.

Нараседатель т. Толоноцев
Член Коллегии НКФ.

Суд развернул яркую историческую страницу для изучения психологии под'ема и неслыханного падения бывшего революционного борца.

10-го января в 6¹/₂ часов вечера в Колонном зале одного из самых крупных помещений Москвы, в Доме Союзов начался этот, не имеющий себе равных, процесс над провокатором-рабочим, тридцать семь лет травившим свой класс.

На эстраде — в полной боевой готовности рой фотографов и кинооператоров.

Зал гудит. Каждую минуту в него вливаются новые сгустки людей.

— Суд идет! Граждане, прошу встать!

Этот возглас коменданта сразу успокаивает гудящий зал. Тысячная толпа замирает.

Председатель Суда тов. Сольц занимает свое место, по бокам садятся народные заседатели—т.т. Толоконцев и Чуцкаев.

За столом обвинения—несменяемый прокурор всех крупных политических процессов послеоктябрьского периода—Н. В. Крыленко.

Рядом с т. Крыленко—общественный обвинитель т. Феликс Кон.

Защитники—С. В. Членов и М. А. Оцеп.

За столом эксперта—характерная фигура профессора И. Е. Щеголева, известного историка революции.

Рядом с судейским столом слева—одинокий стул обвиняемого.

Председатель уголовно-судебной Коллегии Верховного Суда тов. А. А. Сольц объявляет заседание открытым.

Окладского вводят два вооруженных красноармейца.

Все взоры устремляются на него.

Он стар, но бодр.

Входит впереди своего караула, поглаживая большую седую бороду, в левой руке у него какой-то свиток.

Видно, готовился к процессу.

Подошел к защитнику, улыбнулся и о чем-то спросил.

В лице Окладского-провокатора нельзя узнать лица Окладского революционера и террориста. В этом хитром, отталкивающим старике с глазами рыси нельзя угадать бывшего пламенного юношу, беззаветного революционера Окладского из славной стаи народовольцев.

Революционер Окладский жил только несколько лет. Провокатор Окладский жил добрых три десятка.

В стареньких, защитного цвета брюках и кожаной, до нельзя обляпаной и вытертой куртке.

Уж подлинно ли у Окладского, 35 лет подряд получавшего из департамента полиции определенное жалованье (до 150 руб. в месяц и порядочно зарабатывавшего, как техник, частным трудом), успевшего получить жалованье из Охранки еще в феврале 1917 года и в последнее время, до ареста, получавшего весьма солидное жалованье, — уж подлинно-ли у него только этот архи-пролетарский, даже нищенский костюм и остался?

Нет ли тут желанья подчеркнуть перед пролетарским Судом свое пролетарское происхождение и состояние, — явление, столь часто наблюдающееся в Советском Суде? Умный актер, ловко прикидывающийся простачком.

В первом ряду—убеленные сединами свидетели—ветераны революции, народовольцы: т. т. А. В. Прибылев, А. В. Якимова-Диковская, Христина Гринберг, С. П. Швецов и доктор А. Ю. Фейт. Немногие живые участники событий, связанных с „Народной Волей“.

Это только свидетели?

Нет.

Это те революционеры политкаторжане, сверстники подсудимого, дожившие до наших дней, которые уяснят Суду свою историческую эпоху, осветят и истолкуют проходящие по делу факты, определяют удельный вес отдельных революционных фигур, отдельных периодов и этапов героической борьбы „Народной Воли“ в XIX веке в эпоху 80-х годов.

Эти свидетели призваны быть и экспертами. Своеобразие процесса диктует возможность и целесообразность отступления от формальных процессуальных норм, которые не допускают соединения функций свидетелей и эксперта в одном и том-же физическом лице.

Но защита, в лице С. Б. Членова, исходя из существующих процессуальных норм, возражает против предоставления прав экспертов свидетелям-народовольцам А. В. Якимовой и А. Ю. Фейту, которые должны лишь удостоверить перед Судом определенные факты, т. е. не только с формальной стороны, но и по существу, и потому они являются по данному делу свидетелями в собственном, юридическом смысле этого слова.

Несколько минут совещается Суд—и объявляет определение:

Учитывая особенности процесса и роль свидетелей в период, который

Ониадский слушает обвинительное заключение.

предстоит Суду исследовать, предоставить права экспертов т. т. Прибылеву, Швецову, Гринберг, а также Якимовой, как одному из активнейших членов „Народной Воли“ (Якимова была одним из членов Исполнительного Комитета). А. Ю. Фейт вызван специально для освещения обстоятельств, касающихся работы революционного кружка Фойницкого и Истоминой в 90-х годах, и потому он остается лишь в качестве свидетеля.

Особый характер процесса заставляет тов. Крыленко возбудить еще одно ходатайство перед Судом.

Это—ходатайство о расширении прав эксперта П. Е. Щеголева, являющегося почти единственным в своем роде специалистом по истории революционного движения в России и знатоком архива департамента полиции. Тов. Крыленко предлагает предоставить П. Е. Щеголеву право на всем

протяжении процесса, наравне со сторонами, задавать вопросы обвиняемому и свидетелям.

Это ходатайство прокурора поддерживается защитой и удовлетворяется Судом.

Часа два с лишним длится чтение обвинительного заключения.

Обвинение, пред'явленное Окладскому в резолютивной части обвинительного заключения, сформулировано следующим образом:

„... Окладский Иван Федорович, он же Иванов, он же Александров, он же Петровский, 65 лет, происходящий из крестьян дер. Оклад, Ново-Ржевского уезда, Псковской губернии, женатый, окончивший 2 класса городского училища, по профессии электро-механик, служивший до ареста на заводе „Красная Заря“ в должности механика для лабораторных изысканий, бывший член террористической организации партии „Народная Воля“, привлекавшийся по политическим делам к ответственности и судившийся в 1880 году Петербургским военно-окружным судом по процессу „шестнадцати“, коим, признанный виновным в покушении на жизнь Александра II-го, произведенном под городом Александровском, приговорен был к смертной казни через повешение, замененной бессрочными каторжными работами, ссылкой на поселение в восточную Сибирь, ссылкой на поселение в местности Закавказского края, и в 1891 году освобожденный от дальнейшего наказания с возведением в звание сначала личного, а затем потомственного почетного гражданина, ныне к партиям не принадлежащий, — обвиняется в том, что, приняв в конце семидесятых годов активное участие в террористической борьбе с самодержавием, будучи близок, в силу оказанного ему доверия, к членам партии „Народная Воля“, составлявшим ее Исполнительный Комитет, и зная программу ее действий, выдал, после состоявшегося суда над ним, подлежащим властям виднейших деятелей революционного движения той эпохи, после чего, поступив в 1883 году на государственную службу бывшего царского российского правительства на должность негласного сотрудника сначала Тифлисского губернского жандармского управления, а затем департамента полиции, пребывал в означенной должности вплоть до февральской революции, оказав, по неоднократному свидетельству означенного правительства, неоценимые услуги в борьбе его с революционным движением в России.

Преступления эти предусмотрены 67 ст. Уголовного Кодекса, вследствие чего, а также на основании ст. 449 п. 1-й Уголовно-Процессуального Кодекса названный Окладский подлежит Суду уголовно-судебной коллегии Верховного Суда РСФСР“.

По мере того, как Окладский-революционер, участвовавший с Желябовым в покушении на взрыв царского поезда под Александровском, — Окладский, которому были доступны, как пользовавшемуся доверием и расположением Желябова, строжайше конспиративные народовольческие квартиры в Петербурге; по мере того, как этот Окладский по фактам, изложенным в обвинительном заключении, превращался в Окладского, спасавшего свою жизнь, свое благополучие, ценой крови своих сподвижников, — все более и более напряженным становилось внимание аудитории. Все шире и шире раскрываются тысячи глаз, устремленных на стул, на котором сидит этот отвратительный старик.

Спокойным взглядом из-под нависших морщинистых век, смотрит он пред собой.

Он уже освоился со своим положением. Только донимают кино-аппараты, лезут прямо в глаза, и он пытается схорониться от них за спиною своего защитника.

Временами взгляд его устремляется на те кресла в первом ряду, где сидят свидетели народовольцы.

Белоснежно седые.

Гораздо более седые, чем сам Окладский.

Не только потому, что они на несколько лет старше его.

Потому еще, что в то время, когда Окладский десятки лет благоденствовал на свои „сребренники“ жалованья из Охранки, — эти великие и величественные старцы томились те-же десятки лет в казематах Петропавловской крепости, в Шлиссельбурге, в Сибири в ссылке.

Окладский коротко, но пристально взглядывает на них.

Председатель.—Обвиняемый, вы слышали обвинительное заключение? Вас обвиняют в том, что вы в своей провокационной деятельности послужили основанием для разрушения партии „Народная Воля“. Затем, в течение 36 лет, приблизительно, вы состояли на службе у охранного отделения, получали жалованье там и продолжали дальше свою деятельность.

Признаете ли вы себя виновным?

Окладский.—Признаю себя виновным частично, но не в общем объеме, как указано в обвинительном заключении.

Председатель.—Вы желаете сейчас дать объяснения? Вам предоставляется это право. Если хотите, то можете сейчас ваши объяснения дать.

Окладский.—Я признаю себя виновным в том, что указал две конспиративные квартиры: на Подольской улице и на Большой Подъяческой, указал, где была заложена мина под мостом, затем состоял месяца 3—4 на службе в Тифлисском жандармском управлении, затем был вызван в Петербург по делу Фойницкого и Истоминой, и моя деятельность кончается в 1890 году. Дальше она не продолжается. Дальше никакой преступной деятельности не было. Вот в чем я признаю себя виновным.

Председатель.—Теперь необходимо сторонам высказаться окончательно относительно порядка, в котором мы дальше будем вести дело.

Крыленко.—Я думаю, что—и это мною согласовано с другим обвинителем,—что в настоящее время, если обвиняемый, несмотря на то, что он имеет право, не желает давать объяснений по существу обвинения во

Государственный обвинитель
Н. В. Крыленко.

всем объеме, нам надлежит приступить к его допросу. Но прежде я считаю необходимым сделать Суду следующего характера заявление, которое я также согласовал с общественным обвинителем. Оно заключается в следующем:— это вопрос относительно отпущенных на сегодня, по постановлению Суда, свидетелей. Эти свидетели, не все из них, но некоторые,—по существу тех показаний, которые они дали на предварительном следствии, могли установить и установили лишь те немногие факты, на которые наталкивался следователь при производстве предварительного следствия и которое нужно было следователю установить. Но для меня не подлежит сомнению, что, будучи непосредственными участниками за большой период времени в революционной работе „Народной Воли“, они могут дать гораздо больше того, чем то было установлено предварительным следствием.

А, с другой стороны, задать им эти вопросы и установить то, что они могут установить, необходимо, и я полагаю, что защита не будет против этого возражать по закону для того, чтобы установить всякие мелочи. Это нужно, по меньшей мере, сделать потому, что если та или другая мелочь имела место, то мы знаем, что при судебном порядке установление той или другой картины живого действия одного маленького фактика или одного штришка дает очень много, и из этого можно вывести большого значения выводы. Поэтому я бы полагал весьма целесообразным обсудить сейчас для данного исключительного случая вопрос, не найдет ли Суд возможным в отношении некоторых из свидетелей предоставить им те-же права, которые мы приняли в отношении эксперта,—другими словами превратить их в свидетелей-экспертов, с тем, чтобы их качество свидетелей отступило на второй план перед качеством экспертов. Это объясняется тем, что человек, которому поручено специально дело экспертизы, — П. Е. Щеголев может использовать здесь свой талант для того, чтобы осветить только некоторые части всего дела, а эти свидетели имели отношение к целой эпохе.

Суд приходит к заключению, что, принимая во внимание исключительную обстановку, в которой происходит процесс, и историческое его значение, можно разрешить свидетелей Прибылева, Якимову, Швецова и Гринберг принять одновременно в качестве экспертов.

Крыленко.—В силу допущенного только-что, я полагаю важным присутствие этих свидетелей с самого начала, потому что, если мы подвергнем обвиняемого допросу с самого начала и будем слушать его автобиографию, по которой будем устанавливать все детали не только по части уже предъявленного обвинения, то для выяснения истины я считаю необходимым, в виду того, что Суд признал целесообразным допустить этих свидетелей в качестве экспертов, присутствие этих экспертов с самого начала. Поэтому я ходатайствую о том, чтобы отложить слушанием дело до завтрашнего дня.

Заседание прерывается в 22 часа 25 мин.

Судебное заседание возобновляется 11 января в 10 час. 25 мин.

Председатель.—Судебное заседание продолжается. Т. Крыленко имеет слово.

Крыленко.—Я имею заявить Суду два ходатайства: первое мое ходатайство будет заключаться в приобщении к делу № 5 - 9 - 10 журнала „Суд идет!“, издающегося в Ленинграде. В этом журнале имеются не имею-

шися в деле статьи „Судьба Ивана Окладского“ и ссылки на целый ряд документов, касающихся последующего периода деятельности Окладского. а именно, после 1889-1890 г.г. Кроме того, в этих-же номерах журнала „Суд идет!“ имеется ряд исторических данных и исторических дат, которые будут полезны Суду в процессе судебного следствия. Поскольку эта книга известна, я полагаю, защите нет необходимости ее специально осматривать.

О ц е п.—Защита против приобщения этого журнала, в котором опубликованы объективные исторические документы и проверки экспертизы, не возражает.

К о н.—Я просил-бы приобщить к делу книгу Невского „Очерки по истории РКП“, в которой имеются циркуляры 70-х годов относительно мер, принимавшихся по отношению постановки препятствий к проникновению революционеров в рабочую среду, а затем второе—это „Социал-демократический календарь“ за 1902 г., в котором имеется составленная Жигуневым биография Петра Алексева, имеется биография Желябова с некоторыми фактическими данными, имеющими непосредственное отношение к данному делу.

Председатель (обращаясь к защите).— Вы хотите познакомиться?

О ц е п.—Да, разрешите.

Затем тов. Крыленко говорит, что раз подсудимый не пожелал воспользоваться своим правом дать объяснения перед началом судебного следствия, то Суду придется начать допрос со свидетельских показаний.

Из всех лиц, вызванных обвинением в качестве свидетелей, остался один—доктор А. Ю. Фейт (остальные являются экспертами). А. Ю. Фейт имеет отношение,—говорит тов. Крыленко,—к конечному эпизоду деятельности Окладского, и с точки зрения перспективы процесса не было-бы основания его допрашивать сейчас, но, принимая во внимание, что легче и удобнее и корректнее было-бы не заставлять ждать непосредственно тов. Фейта все время, пока Суд дойдет в судебном следствии до момента 1889-90 г.г., и исходя из соображений, что, поскольку Суду приходится начинать с допроса свидетелей, то для выяснения этого конечного эпизода было-бы фактически целесообразнее допросить А. Ю. Фейта сейчас-же, ибо он, как живое лицо, участник определенного периода 1889-90 г.г., может дать Суду ряд исчерпывающих сведений, которые так или иначе помогут Суду осветить и, вообще, критически отнестись к целому ряду показаний обвиняемого, тов. Крыленко полагает возможным ходатайствовать перед Судом о том, чтобы начать судебное следствие обследованием этого коварного эпизода 1889-90 г.г. с допроса свидетеля Фейта.

Защита не возражает.

Председатель.— Суд не возражает против допроса д-ра Фейта.

Приглашается свидетель д-р Фейт.

Крыленко.—Будьте любезны, я вас прошу прежде всего взглянуть на обвиняемого, известен-ли он вам, может быть, вы вспомните его лицо.

Фейт.—По лицу я его не помню.

Крыленко.—Будьте любезны сообщить данные, оставшиеся в вашей памяти о вашей революционной деятельности приблизительно в начале 1899-90 г.г., о тех лицах, с которыми вы в то время встречались, и о формах организационной связи с рабочими кружками.

Фейт.—В ту эпоху, насколько мне не изменяет память, произошло

одно обстоятельство, которое, как мне кажется, имеет связь с данным делом. Это был конец 80-х годов или начало 90-х, т. е. 35 лет тому назад, и поэтому некоторые детали этого обстоятельства у меня исчезли из памяти, но были некоторые обстоятельства, которые врезались у меня совершенно отчетливо в память настолько, что я их помню совершенно ясно.

Я помню, что приблизительно в эту эпоху меня как-то посетил Гаккельман-Ландезен, известный впоследствии провокатор, жандармский офицер, заведывавший сыском за границей.

С Гаккельманом-Ландезен я был знаком еще будучи студентом в Дерпте, в период 1883—84 г. г. Тогда Гаккельман-Ландезен принимал участие в работах народовольческой типографии, основанной там Якубовичем, там, где был напечатан № 10 „Народной Воли“.

Некоторое очень скромное участие и мое было в этом деле. Так-что Гаккельман, кроме того, что был связан со мной знакомством, как студент одного факультета и одного курса—мы были на медицинском факультете—знал еще меня, как лицо, которое принимало некоторое участие в революционных делах того времени.

В 1884 г., если мне не изменяет память, Гаккельман исчез отсюда после того, когда была обнаружена эта типография, а типография была обнаружена совершенно случайно. Хозяин квартиры и главный работник ее, Кавелеев, умер в припадке падучей болезни, и, когда на утро нашли его мертвым и был произведен осмотр его вещей, не с полицейскими целями, а с целью передать эти вещи родственникам, была обнаружена типография.

После 1882 г. я Гаккельмана не видел много лет, и уже к самому концу 80-х гг. или в 90-х гг. я его впервые увидел. Он пришел ко мне. К этому времени уже были слухи в Петербурге о том, что Гаккельман вел себя чрезвычайно неодобрительно, просто в качестве провокатора в деле парижских бомбистов. Были только смутные слухи—никаких формальных, никаких ясных указаний на его провокаторскую роль до меня не дошло. Поэтому, когда он ко мне пришел, я его встретил с некоторым чувством недоверия, но все-таки не уклонился от разговоров с ним. Он мне заявил, что ему известно, что я занимаюсь в кружках революционной пропаганды, и что он приехал ко мне по поручению заграничных товарищей связать меня с заграничными организациями.

Вел себя Гаккельман в то время довольно подозрительно. Внешность его совершенно не отвечала той внешности, которая была обычна для революционеров того времени. Он был одет с иголочки, предлагал большие деньги тому, кто залечит его плешь. Все это вместе взятое заставляло меня относиться с большой осторожностью к самому Гаккельману и тем рекомендациям, которые он мне хотел сделать. Это было единственное его посещение.

А через несколько дней пришел ко мне рабочий, приблизительно моих лет,—мне было тогда около 30 лет,—довольно плотный, выскки, назвался он—тут нужно сказать, что очень точно я не могу сказать—не то Петровским, не то Петровым,—но что-то было от Петра. Первое впечатление у меня от него получилось очень неблагоприятное, потому что он с первых же слов начал говорить о том, что никакая пропаганда, никакая агитация ни к каким сколько-нибудь существенным результатам привести не может, что